

Валентина Селезнёва

Трещина в стекле

Психологическая драма

Валентина Селезнёва
Трещина в стекле.
Психологическая драма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73312093

ISBN 9785006924703

Аннотация

Десять лет Артём жил с пустотой в памяти, спасаясь от выбора, который он сделал в секретной лаборатории. Но когда прошлое возвращается, он понимает: самое страшное – не то, что с ним сделали, а то, на что он добровольно согласился. Сможет ли он искупить вину, которую сам от себя скрыл?

Содержание

Пролог	5
Часть I. ТРЕЩИНА	8
ГЛАВА 1. Обычная жизнь	8
Глава 2. Утро после	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Трещина в стекле

Психологическая драма

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0069-2470-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Белый свет. Не просто яркий – он был абсолютным, безжалостным, стирающим не только тени, но и сами границы предметов. Белизна въедалась в глаза даже сквозь сомкнутые веки, превращая комнату в бесконечную, стерильную пустоту, где не за что было уцепиться взглядом. В горле першило от резкого, химического запаха – смеси озона, как после удара молнии, и холодной стали. Тишина была такой плотной, что давила на барабанные перепонки. И эту тишину, будто иглой, протыкал ровный, методичный писк медицинского аппарата – будто невидимый метроном отсчитывает чужое время: раз, два, три.

Ему послушно вторит тонкая зелёная линия, ползущая по гладкому экрану монитора. Рядом с ней суетливо пляшут столбцы цифр, их значения меняются так быстро, что ускользают от понимания, превращаясь в абстрактный, тревожный узор.

Уверенный, без малейшей дрожи, палец в синей перчатке касается экрана. Голос, звучащий следом, такой же ровный и лишённый интонаций, будто принадлежит не человеку, а самой машине.

– Контрольные показатели в норме. Фиксирую когнитивную нагрузку на уровне восьмидесяти семи процентов. Стабильно.

В ответ – звенящая пустота, в которой этот размеренный писк кажется единственным доказательством того, что время ещё не остановилось.

И вдруг этот выверенный ритм даёт сбой. Ломается. Писк срывается на тревожную, учащённую дробь, взлетая на полтона выше. Зелёная линия на мониторе больше не ползёт – она дрожит, покрываясь хаотичными зазубринами.

В тишину врывается другой голос, резкий, пропитанный зарождающейся паникой:

– Пульс скачет! Показатели на критической отметке! Мы подходим к красной черте!

– Пределы, зафиксированные в протоколе, ещё не превышены. Мы можем двигаться дальше, – без тени сомнения отвечает первый, холодный голос.

Наступает гнетущая пауза. Секунда вакуума, в котором этот срывающийся, истеричный писк звучит громче набата. Невидимые взгляды скрещиваются в одной точке, в воздухе повисает немой вопрос.

Все ждут решения. И тогда звучит третий голос: не громкий, не резкий, но уверенный и окончательный, словно удар молотка судьбы.

– Продолжаем.

В ту же секунду – сухой, короткий щелчок, похожий на звук сломанной кости. Зелёная линия на мониторе, словно в последней агонии, взмывает вертикально вверх, замирает на одно невыносимое мгновение... и обрушивается

вниз. Пульсирующий писк обрывается. Его сменяет ровный, непрерывный, высокий гул – звук абсолютной пустоты.

За толстым, звуконепроницаемым стеклом неподвижно застыл силуэт в кресле. Голова запрокинута под неестественным углом, а руки безвольно лежат на подлокотниках – поза брошенной посреди игры куклы, о которой больше никто не вспомнит.

В комнате за стеклом никто не двигался. По эту сторону – тоже.

Вернулась тишина, но это была уже не стерильная пустота. Тяжёлая, давящая, она ввинчивалась в уши и звучала громче предсмертного крика.

Часть I. ТРЕЩИНА

ГЛАВА 1. Обычная жизнь

Артём всегда считал, что утро – это самая удобная ложь из всех, придуманных человечеством. Идеальная иллюзия того, что вчерашний день можно обнулить, просто перевернув страницу календаря. В новом утре ещё нет событий, но уже чувствуется фантомная усталость от дня минувшего. Нет принятых решений, но есть гнетущее предчувствие их неотвратимости. Утро давало спасительную передышку – возможность спрятать тревогу за ритуалом варки кофе, за шумом воды в душе, за механикой привычных действий. И Артём отчаянно цеплялся за эту иллюзию контроля.

Стоя под упругими струями душа, он позволял горячей воде смывать остатки сна и липкую паутину мыслей. Ему нравилось это состояние – чистое, физическое ощущение пробуждения тела, когда голова ещё пуста. Но иллюзия долго не продержалась. Из кухни уже тянуло густым, терпким ароматом свежесваренного кофе – сигналом, что день начался по-настоящему.

Выйдя из ванной, Артём босыми ногами пересёк коридор и замер на пороге кухни. Марина уже была там. Она сиде-

ла за столом, поджав под себя одну ногу, и лениво листала новости в телефоне. Волосы собраны в небрежный пучок, на ней – его старая домашняя футболка, давно потерявшая форму и цвет.

Этот утренний ритуал, повторявшийся изо дня в день, был единственным якорем в его штормящем мире. Аромат её кофе, привычная поза, эта дурацкая растянутая футболка – всё это было настоящим. Артём не осознавал, как сильно напряжены его плечи, пока не почувствовал, что они сами собой слегка опустились. Узел тревоги, завязавшийся в животе с самого пробуждения, ослаб, пусть и на мгновение.

– Ого, ты сегодня ранняя пташка, – пробормотала она, лениво листая ленту новостей в телефоне.

– Отчёт горит, – коротко бросил Артём, наливая себе обжигающе-чёрный кофе.

Марина лишь кивнула в ответ. Он вдруг поймал себя на мысли, что смотрит на движение её губ, но не сразу разбирает слова. Звук долетал до него будто с секундным опозданием, теряя по пути часть интонаций. Их общение всё чаще напоминало просмотр плохо дублированного фильма – он понимал общий смысл, но ощущение фальши и рассинхрона не покидало. Они оба знали, что стоит за этим «отчёт горит» – очередная бессонная ночь и нервное напряжение.

Артём сел напротив, открыл ноутбук. Экран вспыхнул холодным белым светом, резанув по глазам. Он сделал глоток кофе – слишком горячего, обжигающего, – но не обратил

на это внимания.

Его взгляд скользил по тексту уверенно. Автоматически, словно запрограммированный механизм, он пробежал по буквам, впитывая каждую деталь

Оценка допустимого уровня риска при внедрении экспериментальной системы...

Формулировки были знакомы до боли. Он читал, писал и переписывал такие документы годами. После ухода из науки его работа почти не изменилась – только сместился фокус. Раньше за цифрами стояли конкретные эксперименты, лаборатории, люди. Теперь – абстрактные процессы, гипотетические сценарии и аккуратно обезличенная ответственность.

Он пролистал документ ниже, и взгляд зацепился за строчку: *Критический порог когнитивной нагрузки...*

Он читал эту фразу сотни раз. Но через мгновение его тело, будто вспомнив что-то, чего не помнил он сам, отреагировало первым. Пальцы на правой руке свело внезапной, болезненной судорогой, они сами собой сжались в каменный кулак. Ногти до боли впились в ладонь, и эта внезапная, острая боль стала якорем, вернувшим его в реальность. Тело среагировало первым, как испуганное животное, учуявшее запах хищника задолго до того, как разум успел осознать опасность.

Артём замер, чувствуя, как напряжённые мышцы пальцев постепенно расслабляются, освобождая ладонь. Сердце билось чуть быстрее обычного, каждый удар отдавался отчёт-

ливо, настойчиво напоминая о себе, подобно тихому эху, которое невозможно игнорировать. Медленно, осторожно он сделал глубокий вдох, задерживая дыхание ненадолго, затем выдохнул, повторяя это действие снова и снова.

Всё нормально, убеждал себя Артём. Обычная усталость, ничего особенного.

Однако одновременно с этими мыслями возникло странное чувство, словно лёгкое покалывание, пробежавшее по коже. Оно не походило ни на воспоминание, ни на привычную мысль. Нет, это был скорее какой-то внутренний импульс, яркий, требовательный, похожий на чёткий приказ, исходивший откуда-то изнутри, заставляя настороженно прислушиваться к собственным ощущениям.

Мы не можем сейчас остановиться.

Фраза не родилась в его голове – она вторглась. Прозвучала так ясно, так отчётливо, будто кто-то произнёс её вслух прямо у него за спиной. Голос был чужой, но властный, не допускающий возражений. Она стояла перед ним, как нерушимая стена, воздвигнутая среди мыслей и чувств, неумолимо утверждая своё существование без малейших признаков сомнения или возможности оспаривания.

Артём моргнул, пытаясь стряхнуть с себя наваждение, сфокусировать зрение на привычных вещах, но непрошенная фраза продолжала висеть в сознании, холодная и чужеродная.

– Ты в порядке? – голос Марины выдернул его из оцепе-

нения. Она наконец подняла глаза от телефона.

В одно мгновение Артём будто вернулся в собственное тело, снова обнаружив себя в уюте утренней кухни, будто вернувшись туда с небольшим опозданием. Перед глазами возникла привычная картина утреннего спокойствия: чашка кофе, стоящая рядом, источающая аромат свежесваренных зёрен, деревянный стол, отражавший мягкий отблеск света, проникающего сквозь окно. Лучи солнца нежно касались поверхности стола, создавая игру теней и бликов, подчёркивая гармонию пространства и наполняющую его атмосферу покоя и умиротворённости.

– Да, – сказал он, и сам заметил, что ответ получился слишком быстрым. – Просто задумался.

Марина смотрела на него несколько секунд. Её глаза внимательно изучали лицо Артёма, словно пытались проникнуть глубже, разглядеть скрытые чувства и эмоции, спрятанные за внешней маской невозмутимости. Во взгляде читалась не подозрение, а скорее настороженность, характерная для тех моментов, когда человек замечает изменения в поведении другого, хотя причины этих изменений остаются неясными.

– Ты в последнее время часто «просто задумываешься», – сказала она. – Может, тебе всё-таки взять отпуск?

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, которую использовал в подобных разговорах годами. Взгляд приобрёл спокойствие и уверенность, излучая тепло и доброжелательность.

– Сейчас не лучшее время.

Она ничего не ответила. Только снова посмотрела в телефон. Но пауза повисла в воздухе тонкой нитью, почти незаметно. Подобно трещине в толстом стекле, которая вначале кажется незначительным изъяном, легко упускаемым из виду, однако со временем превращается в назойливую помеху, привлекающую всё больше внимания своим присутствием.

На работе у Артёма всё шло по плану.

Переговорная, большой экран, графики, диаграммы. Коллеги говорили о допустимых отклонениях, о вероятностях, о том, что «формально всё укладывается в норму». Артём слушал, задавал уточняющие вопросы, делал пометки. Его голос звучал ровно. Его комментарии были точными.

Он делал именно то, за что его ценили.

И тогда раздался звук.

Обычный электронный сигнал – резкий, короткий. Где-то в соседнем помещении. Звук, похожий на тот, что издают медицинские приборы.

Внезапно воротник рубашки, ещё секунду назад свободный, превратился в удавку. Артём инстинктивно дёрнул шей, пытаясь сделать вдох, но лёгкие будто окаменели, отказываясь принять воздух. Комната, до этого залитая обычным офисным светом, полыхнула резкой, болезненной белизной. Голоса коллег отдалились, утонув в оглушительном шуме крови, которая стучала в ушах, как метроном, сорвавшийся с ритма. Ему показалось, что пол качнулся, и он вцепился

в край стола, боясь, что мир вот-вот перевернётся.

Слишком поздно.

Он резко выпрямился.

– Прошу прощения, – сказал он, удивившись тому, как спокойно и собранно прозвучал его голос. – Мне нужно выйти.

В коридоре было прохладно. Он прислонился к стене, закрыл глаза. Несколько секунд просто стоял, считая вдохи. Сердце постепенно замедлялось, возвращаясь к привычному ритму.

«Переработал», – сказал он себе.

«Ничего больше».

Он всегда умел убеждать себя. Это было одним из его профессиональных навыков.

Вечером Марина готовила ужин. Нож ритмично стучал о разделочную доску. Артём сидел за столом и смотрел на её движения – уверенные, спокойные, будто выверенные заранее.

– Ты сегодня будто за стеклом, – сказала она, не оборачиваясь.

– Отчёт, – ответил он.

Она повернулась.

– Артём, – сказала тихо. – Послушай. Я просто хочу, чтобы ты помнил: что бы ни происходило, ты можешь мне всё сказать.

Он посмотрел на неё. Впервые за день – по-настоящему.

И понял, что не знает, что именно должен сказать, потому что если что-то и было не так – он не понимал, что именно.

Ночью Артём долго не мог уснуть.

Он лежал на спине, глядя в потолок, прислушиваясь к дыханию Марины рядом. Оно было ровным, спокойным – чужим в своей уверенности. Он завидовал этому спокойствию, хотя сам не до конца понимал, почему.

Мысли не складывались в слова. Они существовали где-то на уровне ощущений: тяжесть в груди, напряжение в шее, странное чувство, будто внутри него что-то сместилось и никак не может встать на место.

Когда сон всё-таки пришёл, он был неглубоким. Без образов. Без сюжета.

Только ощущение стекла – холодного, плотного, отделяющего его от чего-то важного. По ту сторону кто-то был. Он это знал. Но не мог рассмотреть лица. Только позу. Неподвижную. Слишком правильную.

Он проснулся резко, с ощущением нехватки воздуха.

Несколько секунд лежал, не двигаясь, прислушиваясь к себе. Сердце билось часто, но постепенно ритм выравнялся. В комнате было темно, только слабый свет от уличного фонаря пробивался сквозь шторы.

«Просто сон», – сказал он себе.

Он встал, стараясь не разбудить Марину, и пошёл в ванную. Включил свет, открыл кран. Холодная вода ударила по ладоням, отрезвляя.

Он наклонился над раковиной, подставляя лицо под ледяную струю, и замер. Ноздри уловили знакомый, почти забытый запах. Запах не из этой квартиры, не из этой жизни. Стерильный, выжженный до пустоты аромат озона и металла.

Не сейчас.

Приказ, прозвучавший в голове, был его собственным, но он не мог ему подчиниться. Перед глазами полыхнул свет – белый, нестерпимо яркий, как от сварочного аппарата. В ушах зародился низкий, вибрирующий гул, проходивший сквозь тело. И сквозь этот гул прорвались голоса.

– *Показатели в норме...* – безразличный, механический.

– *Мы превышаем допустимый порог!* – сорвавшийся, панический.

Артём попытался вдохнуть, но лёгкие будто окаменели. Он понял, что смотрит на всё это со стороны, но один из голосов... один голос был его.

– *Продолжаем,* – произнёс он сам.

Слово прозвучало чётко. Окончательно. В следующую секунду всё оборвалось. Не взрыв. Не крик. Щелчок – сухой, резкий, как если бы что-то важное сломалось навсегда.

Он увидел стекло. Толстое. Защитное. За ним – силуэт человека, сидящего неподвижно. Слишком неподвижно. Голова запрокинута, руки лежат странно спокойно, как у куклы, о которой забыли.

– Артём!

Голос прорвался сквозь гул, резкий, настоящий.

Он резко вдохнул и согнулся, упершись ладонями в раковину. В глазах потемнело, желудок скрутило. Его вырвало. Он долго стоял, дрожа, пока спазмы не отпустили. Вода всё ещё текла, и только через несколько секунд он понял, что так и не закрыл кран.

В зеркале на него смотрел человек с серым лицом и испуганными глазами. Чужими.

– Артём? – голос Марины за дверью был тихим, но напряжённым. – Что с тобой?

Он закрыл глаза.

– Всё нормально, – сказал он, и это прозвучало неправдоподобно даже для него самого. – Сейчас выйду.

Пауза.

– Ты меня пугаешь, – сказала она.

Эта фраза ударила сильнее, чем тошнота и страх. Артём опустился на край ванны, закрыв лицо руками. Сердце билось неровно, словно не могло решить, в каком ритме существовать дальше.

Он опустился на холодный кафельный пол, закрыв лицо дрожащими руками. Теперь он знал. Отчётливо, без спасительных оправданий в виде усталости или стресса. Это не было сном. Не было игрой воображения. Это было воспоминание. Рваное, неполное, но абсолютно реальное. И впервые за много лет ледяной ужас, охвативший его, был связан не с тем, что он мог вспомнить. А с тем, кем он был в тот момент, когда хладнокровно произнёс:

«Продолжаем».

Глава 2. Утро после

Утро обрушилось на него не со светом из окна, а с тупой тяжестью в собственном теле, будто за ночь его мышцы налились свинцом. Это была не усталость, а её тёмная, вязкая изнанка. Он лежал с открытыми глазами, глядя в знакомую трещину на потолке в углу. Раньше эта мелкая деталь казалась ему уютной, приметой дома. Сегодня она выглядела как предзнаменование – тонкий, но необратимый разлом, отражающий то, что произошло внутри него.

Он осторожно вдохнул. Грудь отозвалась слабой болью, будто мышцы всё ещё помнили вчерашнее напряжение. Во рту был металлический привкус, сухой и неприятный. Артём сглотнул и поморщился.

Он повернул голову. Рядом, отвернувшись к окну, спала Марина. Одеяло сползло с её плеча, и он машинально отметил эту деталь – как делал всегда. Маленькие, бытовые вещи держали его на поверхности. Он смотрел на ровное дыхание, на спокойную линию спины и чувствовал странное, почти детское желание притвориться, что всё осталось прежним.

Если лежать достаточно тихо, если не двигаться, возможно, прошлый вечер растворится сам. Но тело не соглашалось с этим обманом.

Он сел на кровати медленно, прислушиваясь к себе. В голове было мутно, но без боли. Хуже всего было ощущение

чуждости – словно внутри него находилось что-то лишнее, холодное, как осколок стекла, не предназначенное для этого утра.

На кухне оглушительно громко тикали настенные часы. Каждый щелчок, сухой и методичный, отдавался в висках, отмеряя время в его новой, чужой реальности.

Артём налил стакан воды, но она показалась безвкусной и не принесла облегчения. Он опёрся руками о столешницу, пытаясь унять лёгкую дрожь, и на мгновение прикрыл глаза. Это было ошибкой. Перед внутренним взором тут же полыхнул режущий белый свет. Артём вцепился в край столешницы, резко выпрямляясь, словно боялся, что если он немедленно не откроет глаза, его снова утянет в тот кошмар.

– Чёрт, – тихо сказал он сам себе.

Слово повисло в воздухе и показалось неуместным и слишком простым.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. Немного сухая кожа, мелкие морщины, след от старого пореза на большом пальце. Эти руки не выглядели опасными. И всё же внутри жило ощущение, что они когда-то делали нечто, чего он больше не помнил.

Из спальни слышались шаги. Марина появилась на пороге кухни сонная, с растрёпанными волосами, в его старой футболке. Она посмотрела на него внимательно – не сразу, а через секунду, будто сверяя картинку с ожиданием.

– Почему ты так рано встал? – сказала она.

– Что-то не спится.

Она подошла ближе, налила себе кофе, сделала глоток. Потом снова посмотрела на него – уже пристальнее.

– Как ты? – она подошла ближе, её голос был тихим, почти осторожным. – После вчерашнего...

Артём почувствовал, как внутри всё сжалось в тугой узел.

– В смысле?

– Ну... ты выглядел не очень. Бледный, тебя будто трясло. А потом этот грохот в ванной... – она говорила спокойно, но эта нарочитая сдержанность пугала больше, чем прямые вопросы. – Ты сказал, что всё в порядке, но, Артём... это не было похоже на «в порядке».

Он отвернулся к окну, отчаянно ища спасения в сером утреннем пейзаже.

– Просто... давление, наверное. Переутомился, – выдавил он первое, что пришло в голову.

Марина молчала, и это молчание было ответом. Она не поверила. Во взгляде, которым она его одарила, смешались боль и бессилие.

Когда она ушла в ванную, Артём остался один. Он снова сел за стол и уставился на стакан с водой.

Внутри медленно оформлялась мысль – холодная, ясная, лишённая паники. Это не было разовым сбоем. И это не закончится само. Что-то в прошлом произошло и не собирается оставлять.

Артём вышел из дома позже обычного. В лифте он пой-

мал себя на том, что внимательно следит за цифрами этажей, будто ожидая сбоя. Кабина доехала ровно, без рывков, но ощущение настороженности не исчезло.

На улице было пасмурно. Низкое небо давило, и воздух казался плотным, почти вязким. Он шёл к метро, автоматически отмечая мелочи: скользкий край бордюра, неправильно припаркованную машину, человека, слишком близко стоящего к краю платформы. Раньше он не придавал таким деталям значения. Сегодня они складывались в тревожную картину.

В офисе было тихо. Несколько коллег уже сидели за компьютерами, переговариваясь вполголоса. Артём кивнул, прошёл к своему столу, включил монитор.

На почте висело новое письмо с пометкой *срочно*. Проект был стандартный – оценка рисков для промышленного объекта. Ничего необычного: цифры, вероятности, допуски. Он открыл файл и начал читать.

Через несколько минут его пальцы замерли над клавиатурой.

Нет.

Мысль пришла внезапно, без рассуждений. Просто – нет. Он пролистал документ вверх, потом вниз. Формулы были верными. Расчёты аккуратными. Всё выглядело правильно. И всё же внутри нарастало неприятное ощущение – знакомое по прошлому вечеру. То же давление в груди, тот же холодный фокус внимания.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Перед ним снова возникло стекло. Толстое. Защитное.

Артём резко открыл глаза и выпрямился. Сердце стукнуло сильнее.

– Чёрт, – прошептал он.

Он погрузился в работу, как в холодную воду, надеясь, что привычная рутина вытеснит тревогу. Цифры, графики, формулировки – всё это было его стихией, его крепостью. Он уже почти закончил проверку, когда что-то заставило его вернуться на несколько страниц назад. Не ошибка в расчётах. Что-то более тонкое. Сознательное, почти жульническое допущение, элегантно спрятанное между строк. Лазейка, на которой держался весь проект. Стоило изменить этот единственный параметр на реалистичный, и вся благополучная картина рушилась, а вероятность катастрофы взлетала до критических отметок.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он изменил несколько параметров и запустил пересчёт. Компьютер тихо зажужжал. Цифры на экране сложились в другую картину – мрачную и недвусмысленную.

– Не может быть... – тихо сказал он.

К нему подошёл коллега, Сергей.

– Что-то не так?

Артём поднял на него взгляд. На секунду ему показалось, что он уже видел этот разговор. Это ощущение было настолько отчётливым, что он даже замер.

– Здесь риск выше, чем они заявляют, – сказал он. Голос прозвучал глухо, но на удивление твёрдо. – Намного выше.

Сергей нахмурился, наклонился к экрану.

– Странно. Мы уже смотрели эти данные. Всё было в пределах нормы.

– В пределах формальных норм, – ответил Артём. – Но не реальных.

Он сам удивился уверенности в своём голосе.

Сергей помолчал, потом пожал плечами:

– Если ты уверен, пиши заключение. Но ты понимаешь, что это задержит проект?

Артём кивнул. Он понимал больше, чем мог объяснить.

Когда Сергей ушёл, Артём остался один на один с монитором, на котором два варианта реальности – благополучный и катастрофический – смотрели на него. Внутри не было ни профессионального азарта, ни радости от найденной ошибки. Только тяжёлое, гнетущее чувство узнавания. И тогда из глубин памяти, как хищник, всплыло одно-единственное слово: «Продолжаем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.